

что уже на этом этапе его серьезно занимает проблема соотношения этих категорий.

Вполне закономерно, что Карамзин все с большим интересом начинает относиться и к русской старине, сохранившей национальную самобытность («времена, когда русские были русскими»). Но пока еще, отдавая предпочтение мифу перед историей, русский писатель относится к отечественному прошлому прежде всего как к источнику, питающему авторскую фантазию. Наиболее характерна в этом отношении повесть «Наталья, боярская дочь» (1792). Исследователи правы, считая, что исторический колорит воспроизведен здесь лишь очень относительно.²¹ Даже сам автор счел нужным сделать знаменательное примечание к тексту повести: «Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсем так, как здесь говорят они, но тогдашнего языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только некоторым образом подделаться под древний колорит» (I, 639). Итак, читатель предупрежден: ему остается только принять условие автора, который предусмотрительно защитил себя от упреков в нарушении исторической правдоподобности. Вместе с тем примечание Карамзина настойчиво напоминает о временной дистанции: люди минувших времен «говорили не совсем так, как здесь говорят они». В продолжение всего повествования происходит это противопоставление прошлого и настоящего. Карамзин выделяет те черты старинного быта, которые не находят соответствия в современной жизни. При этом картина древней Руси создается и позитивными приемами (описание некоторых старинных обычаев, упоминание отдельных реалий: цит с надписью «С нами бог: никто же на ны» и т. п.) и негативными: постоянными указаниями на те стороны современной жизни, которые были незнакомы людям прошлого. В решении судебной тяжбы боярин Матвей ссылается на свое чувство справедливости («Сей прав по моей совести, сей виноват по моей совести»), а не на «указ, состоявшийся в таком-то году»; главное развлечение Натальи — посещение церкви, а не клубов и маскарадов. Сопоставление далеко не всегда содержит критику современности и распространяется до мельчайших деталей быта: боярин Матвей засыпает после обеда «не на вольтеровских креслах, так, как ныне спят бояре, а на широкой дубовой лавке» (I, 634). О том, что происходит «ныне» в «осьмом—надесять веке», читатель может узнать многое из этой исторической повести, собственно гораздо больше, чем о той эпохе, к которой отнесено действие. Главное, писателю важно показать, что «ныне» люди думают и говорят и ведут

²¹ См.: Brang P. Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770—1811. Wiesbaden, 1960, S. 155—156; Канцнова Ф. З. Из истории русской повести (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967, с. 91—94; Kosny W. Zum Problem der historischen Erzählung bei N. M. Karamzin. — Die Welt der Slaven, 1968, Jg. XIII, H. 3, S. 251—281.